

Единородство

Леонид Салмин

Этот необычный ансамбль из двух золотых брошей с бриллиантами московский художник-ювелир Эдуард Никитин создал несколько лет назад. Как в художественном, так и в техническом отношении работа ярко оригинальная, динамичная, стилистически безупречная – в общем, вещь, говорящая сама за себя. Возможно, и не было бы повода писать о ней, если бы из-за фасада ее энергичной пластической композиции, из-за орнаментальной поверхности ее изящно уплощенного объема не выплывал особенный, напряженный символизм. Символизм, ставший не только культурным измерением этого ювелирного произведения в глазах зрителя, но и самым «деликатным моментом» заключенного в нем авторского художественного высказывания.

Как-то, будучи представлено на одном из ювелирных конкурсов, это (бесспорно мастерское) произведение вызвало бурную дискуссию в жюри. Дискуссия выплеснулась за рамки чисто искусствоведческого спора и из области эстетики образа мгновенно перенеслась в область этики этнокультурных и межконфессиональных отношений. Провокатором дискуссии стал усмотренный в работе символический образ единороства религий.

Казалось бы, какое дело экспертам по художественным вопросам до политики и межрелигиозных противостояний? Но, видно, таков уж драматический опыт современности: регулярно обжигаясь на молоке реальных межкультурных конфликтов, дуть на воду художественного творчества, объясняя все, что нужно и не нужно, соображениями толерантности.

Да, бинарная ювелирная композиция Эдуарда Никитина полна не только незамутненной эстетики, не только глубокого культурно-исторического, но и религиозного символизма. Да, рассматривая драгоценный дуэт мифологических Единорогов, мы не можем не заметить напряженного символического соположения в едином контексте знаков христианства и ислама. Но тем, собственно, и интересно это произведение.

Во-первых, перед нами редчайший в современном отечественном ювелирном искусстве случай, когда мастер драгоценностей работает не столько с золотом и бриллиантами, и даже не столько с чистой красотой, сколько с символическим и культурно-историческим содержанием. Единороги Никитина – поистине философское размышление, совершенное языком ювелирного художества. И тут мы обнаруживаем возрождение особой, исторически утраченной культурной роли ювелира – воплощать плоды философской мудрости в драгоценных формах и материалах.

Во-вторых, как всякий глубокий художник, автор ставит нас перед необходимостью самостоятельного прочтения его

ювелирного месседжа. И если противостояние религий – единственное, что мерещится нам за символическим дуэтом Единорогов, то это лишь проблема поверхностности нашего собственного восприятия.

Ведь Единорог – один из древнейших мифологических символов. Мы находим его в самых различных культурах, в великом множестве изобразительных и литературных памятников. Образ Единорога пронизывает символическую иконографию древнего Китая и Вавилона, Тибета и Персии, греко-римской античности и христианского средневековья, древнееврейской культуры и молодого ислама. Единорог населяет романтические ландшафты европейского рыцарства, загадочные пространства алхимического колдовства и фантастические сады, изображенные на страницах древних манускриптов. На протяжении столетий он вдохновляет поэтов и живописцев, скульпторов и златокузнецов, ученых и религиозных эзотериков.

Транскультурный характер образа единорога вполне очевиден. И это побуждает размышляющего художника искать его символические следы на самых разных витках времени, в самых разных мифокультурных ареалах, равно как и в символической иконографии разных, в том числе – исторически противоборствующих, религиозных систем. Челябинец по происхождению, Эдуард Никитин немалую часть жизни прожил там, где Европа встречается с Азией, Север разговаривает с Югом, а христианство уже который век соседствует с исламом. Уральская, континентальная память мастера полна образов не просто мирного сосуществования, но теснейшего общезнания двух мировых религий. Посему для Никитина тема глобального ЕДИНОРОСТВА религий оборачивается темой их ЕДИНОРОДСТВА. Символизм общей предыстории, общей корневой системы, общего пространства – вот что выходит на первый план в экспрессивном танце двух Единорогов. Но все это, конечно, на фоне обширной географии и многовековой истории религий, на фоне горькой тысячелетней памяти завоеваний, противостояний, реваншей – от Реконквисты и крестовых походов под знаменами Церкви Христовой до сегодняшних кровавых терактов исламистских экстремистов.

Философский дуализм ювелирной метафоры Никитина исключает возможность

сводить ее понимание лишь к разговору о драгоценном украшении. Золотые тотемы похожи, как братья близнецы. Но в едином мире, созданном высшим Творцом, каждому из них светит свое солнце. И драгоценный рог каждого из них увенчан собственным бриллиантом истины. Этот раздвоившийся символический вектор веры и стал для Эдуарда Никитина главным стержнем ювелирной драматургии. Идея различия обретает смысл лишь рядом с идеей общности. Отдельное ценно лишь своим внятностью отношению к целому. Противоположности различимы лишь во взаимном диалоге – будь то схватка или танец, борьба или беседа. История может менять формы этого диалога. Но она не может производить этих изменений без участия ответственного человеческого сознания. Об этом размышляет мастер, отливая мысль в золоте и ограняя ее в бриллианте.

В наши дни, когда европейская философия мультикультурализма переживает глубочайший кризис, когда мировая идеология политкорректности стала страусиным способом ухода от проблем межкультурных, межэтнических и межрелигиозных противоречий, гуманистическое послание художника о единородстве человечества, об общем генезисе духовных исканий, о необходимости непрерывного межкультурного взаимодействия должно быть услышано.

На протяжении веков и тысячелетий ювелиры обслуживали не столько эстетические, сколько символические процессы, а потому были мастерами не только драгоценных украшений, но, что важнее, драгоценных размышлений. Всего лишь за один – двадцатый век мы успели отвыкнуть от этой высокой роли ювелира. Единороги Эдуарда Никитина – помимо прочего, знак единородства ювелира и мыслителя, а значит, – проявление не только высшего ювелирного мастерства, но и философии этого древнейшего из искусств.

